

Э. Н. Шумская

Екатеринбург, Россия

E. N. Shumskaya

Ekaterinburg, Russia

**ДИНАМИКА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН
В СМИ КАЗАХСТАНА**

**DYNAMICS OF PRECEDENT NAMES
IN KAZAKHSTAN MASS MEDIA**

Аннотация. Выявляется специфика функционирования прецедентных имен в русскоязычной прессе Казахстана.

Abstract. The specific character of precedent names functioning in Kazakhstan mass media discourse is discussed in the article.

Ключевые слова: прецедентные имена; динамика прецедентных имен; Тунис; Египет.

Key words: precedent names; dynamics of precedent names; Tunisia; Egypt.

Сведения об авторе: Шумская Элина Николаевна, аспирант.

About the author: Shumskaya Elina Nikolaevna, Post-graduate Student.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: shed.06@mail.ru.

В середине января на волне недовольства социальными условиями, разгулом коррупции и безработицей в Тунисе произошел государственный переворот. За ним последовали события в Египте, Сирии, Йемене и других арабских странах. С этими событиями связано появление в русскоязычной прессе Казахстана новых прецедентных имен *Тунис* и *Египет*. Ср.: «Тунис и Египет не за горами» (Республика. 11.02.2011); «Депутаты Европарламента видят в Казахстане второй Египет» (Взгляд. 16.02.2011); «Тунис, Египет — кто следующий?» (Республика. 18.02.2011); «По пути Туниса» (Взгляд. 16.02.2011). По существу названия Тунис и Египет стали «ключевыми словами текущего момента» [Шмелева 1993: 33—41] в казахстанских СМИ.

Исследуя динамику прецедентного имени, Е. А. Нахимова отметила: «Если XIX век начался с активизации прецедентных феноменов, восходящих к античности, в XX в. максимально активными были прецедентные феномены, восходящие к русской классической литературе, то в наступившем веке закономерно ожидать активизации новых сфер-источников» [Нахимова 2007: 108]. В рамках данной статьи мы представляем один из наиболее доступных и понятных в силу совпадения с реальным временем источников прецедентности — современную политическую действительность.

Культурный фон, в который погружена современная языковая личность, представляет синтез базовых знаний из области политики, экономики, права, науки и искусства. Рассматривая прецедентный феномен как «индикатор этнокультурных или социокультурных норм, исторических условий», мы подчеркиваем его неразрывную связь «с типичными обстоятельствами, в которых это ментальное образование актуализируется» [Карасик 2009: 9].

Регулярное обращение к прецедентным именам *Тунис* и *Египет*, а также к прецедентным ситуациям, послужившим становлению прецедентности у данных наименований, —

яркая примета настоящего времени, свидетельствующая прежде всего об изменении политической ситуации в самом Казахстане. Напомним, что Нурсултан Абишевич Назарбаев является президентом Республики Казахстан с 24 апреля 1990 г. Вот основные вехи президентства Н. А. Назарбаева:

- 1 декабря 1991 г. состоялись первые всенародные выборы президента республики;
- 29 апреля 1995 г. в результате всенародного референдума полномочия президента Н. А. Назарбаева были продлены до 2000 г.;
- 10 января 1999 г. и 4 декабря 2005 г. на альтернативной основе он был избран президентом республики Казахстан, получив 79,78% и 91,15% голосов избирателей;
- 14 июня 2010 г. вступил в силу конституционный закон республики Казахстан № 289-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые конституционные законы республики Казахстан по вопросам совершенствования законодательства в сфере обеспечения деятельности первого президента республики Казахстан — лидера нации», определяющий политико-правовой статус первого президента Республики Казахстан — лидера нации;
- 23 декабря 2010 г. на форуме в Усть-Каменогорске появилось предложение продлить полномочия Президента страны до 2020 г. и для этого провести общереспубликанский референдум;
- 7 января 2011 г. президент Казахстана отклонил предложения парламента республики о вынесении на республиканский референдум изменений и дополнений в Конституцию Республики Казахстан по продлению полномочий действующего президента без всенародных выборов до 2020 г.;
- 13 января 2011 г. было собрано 5 млн 16 тыс. подписей в поддержку общереспубликанского референдума;
- 14 января 2011 г. парламент Казахстана единогласно принял поправки в Конституцию;

– 31 января 2011 г. Конституционный совет Казахстана признал закон о замене выборов референдумом неконституционным. В этот же день, выступая с обращением к народу, президент согласился с решением совета и предложил провести досрочные президентские выборы, тем самым почти на два года сократив срок нынешних полномочий;

– 3 апреля 2011 г., по официальным данным Центризбиркома Казахстана, действующий президент Нурсултан Назарбаев одержал победу на выборах, получив 95,5 % голосов избирателей.

Столь длительный период пребывания у власти нынешнего президента неизбежно приводит к сопоставлению его с известными политическими долгожителями прошлого и настоящего. Подобные аналогии, кстати, проводят везде, где есть политики, которые долго находятся во власти.

Российское информационное агентство REGNUM отмечает: «...возможность повторения египетского, а того хуже и ливийского сценариев в странах постсоветского пространства — тема активной дискуссии в СМИ» (Виген Аюпян, Модест Колеров, ИА REGNUM. 24.03.2011). На информационном интернет-портале «Одинцово-ИНФО» высказывается следующее мнение: «При первом и поверхностном взгляде может сложиться впечатление, что большинство граждан негативно настроены к политическим долгожителям. Для этого достаточно почитать форумы на эту тему, послушать политологов и оппозицию (от либеральной до неприимчивой). Но это только на первый и поверхностный взгляд. Иначе чем объяснить, что их вновь переназначают и переизбирают? Тем более что не всех переназначают и не всех переизбирают. Последнее обстоятельство только подчеркивает тот факт, что в политическом долгожительстве есть свои плюсы. У каждой страны своя политическая история, свой исторический опыт. У России этот опыт со времен Рюрика заключается в политическом долгожительстве. Неважно, как этого долгожителя величали (князь, царь, генсек), он находился у власти столько, сколько позволяло здоровье. А частая сменяемость, что также было (очень редко) в нашей истории, свидетельствовала исключительно о политической нестабильности. Смутное время, Временное правительство, смена премьер-министров в пред- и дефолтное время» (Георгий Янс // информационный интернет-портал «Одинцово»).

Начиная с 2006 г. и до настоящего времени тексты казахстанских журналистов, пишущих на русском языке, изобиловали прецедентными именами знаковых политиков и монархическими метафорами. Ср.: «Ситуация в стране все больше напоминает анекдот про русских, у которых, что бы они ни конструировали, получается автомат Калашникова. Мы же, к чему бы ни шли, приходим к абсолютному ханству» (Взгляд. 18.09.2009); «Идея многопартийно-

сти — это порождение известной и ставшей достоянием общества программы „Суперхан“, целью которой, напомним, было создание в Казахстане такой политической системы, которая обеспечила бы абсолютную власть Нурсултана Назарбаева» (Республика. 08.04.2011). Тенденция к обновлению содержания публикаций казахстанской прессы наметилась в 2009 г. В анализируемом периоде можно выделить несколько этапов. Основанием для выделения послужила не столько хронологическая концентрация материалов, сколько их тематическое объединение.

1. Авторы публикаций рассуждают на тему о том, каким должен быть будущий президент Казахстана, либо косвенно обращаются к первому лицу государства с рекомендациями демократизации общественных процессов. Вот как отвечает на вопрос редакции газеты «Взгляд» — «Какой известный мировой лидер мог бы послужить примером для второго президента Казахстана?» — телеведущий Мурат Оспанов: «Если возможно представить некий сплав из хитрости Уинстона Черчилля, позитива Теодора Рузвельта, демократизма и в то же время жесткой руки Шарля де Голля и дисциплинированности Сталина, получился бы идеальный руководитель страны, причем любой, не только нашей» (Взгляд. 26.02.2010). Чаще всего в прессе упоминаются имена Махатмы Ганди, Мустафы Кемале Ататюрка, Джорджа Вашингтона. Они являют собой пример истинных народных избранников, заслуживших всеобщее доверие, и их имена используются в качестве своеобразного ориентира для нынешних политиков: «Вот депутаты мотивируют свои действия необходимостью иметь казахстанского Вашингтона, Махатму Ганди, Ататюрка» (Свобода слова. 13.05.2010); «Наш Ганди придет» (Свобода слова. 23.12.2010). «„Казахстану нужен свой казахский Ганди, и мы ищем духовного лидера для народа, — воодушевленно говорила в прошлый четверг Бахытжан Торегожина“, — читаем мы об арт-мобе „Мы ищем казахского Ганди“, проведенном активистами общественного фонда „Ар. Рух. Хак“» (Взгляд. 19.03.2010).

Для данного периода характерно позитивное (для действующего президента) сравнение деятельности всемирно известных политиков с его ролью в развитии Республики Казахстан: «...заместитель председателя партии «Нур Отан» сравнил роль Нурсултана Назарбаева в истории своей страны с ролью Рузвельта в истории США, Тэтчер — в Великобритании и Ататюрка — в Турции. Послы других стран сравнили президента Казахстана с бывшими и нынешними лидерами своих государств: с Фиделем Кастро — на Кубе, где нашу страну знают благодаря казахстанским боксерам, и с Гейдаром Алиевым в Азербайджане» (Владислав Цой, Агентство «Медиа-Систем». 22.10.2007). В данном контексте имена Рузвельта, Тэтчер,

Ататюрка, Кастро и Алиева использованы в традиционном (денотативном) значении, т. е. обозначают конкретных людей, но вместе с тем эти имена символизируют определенную эпоху в развитии государства.

Реже упоминаются Мао Цзэ Дун и Дэн Сяопин в связи с почти тридцатилетним фактическим руководством Китаем и культом личности первого и влиянием на внутреннюю и внешнюю политику Китая после отставки второго: «Для Назарбаева наступает „осень патриарха“. Хотя, конечно, наделение его статусом „лидера нации“ дает возможность оставить президентский пост и занять место верхнего арбитра, например, в стиле Дэн Сяопина» (Свобода слова. 13.05.2010); «Наверное, на этот раз мы в результате такого же „успешного“ референдума также „единогласно“ провозгласим своего Мао Цзе Дуна» (Свобода слова. 15.10.2009). Объединяет рассмотренные публикации то, что структурообразующим звеном напечатанных материалов приведенные ПИ не являются, чаще всего они используются не в заголовках, а в тексте рассуждения политика или общественного деятеля о будущем Казахстана.

2. На следующем этапе авторы публикаций отмечают отдельные стороны казахстанской действительности, наводящие на мысль о сходстве с известными авторитарными политическими режимами и вытекающими из них последствиями: «Есть теория, что история развивается циклически. Если так, то, похоже, Казахстан оказался как раз на том этапе, что и СССР семьдесят-восемьдесят лет назад» — резюмирует Мухамеджан Адилов отдельные факты статьи с многозначительным заголовком «Есть в Казахстане свои вышинские, или О том, что роднит дело Джакишева с процессами сталинских годов» (Республика. 02.04.2010).

Самым частотным прецедентным именем указанного периода оказался тоталитарный лидер Советского Союза: «Сталин на нас есть?» (Федор Блохин // Взгляд. 04.06.2010) — так озаглавлен материал о мероприятии, посвященном памяти жертв политических репрессий в Казахстане. В данном случае мы наблюдаем отсылку к определенной политической действительности, наше восприятие ориентировано на понимание реального взаимодействия социально-исторических эпох.

Часто авторы публикаций в нейтральной форме пытаются объяснить читателю суть и последствия авторитарных режимов и необходимость политических преобразований в обществе: «Те, кто есть, до сих пор не решились для себя, как они будут жить, когда Нурсултан Абисhevич перестанет быть президентом. Ведь для многих из них он, как когда-то Сталин, кажется вечным. И когда вдруг 5 марта 1953 года оказалось, что Иосиф Виссарионович тоже смертен, миллионы людей не могли ответить себе на один простой вопрос: что с ними будет завтра? Потому что стабильность, основанная на режи-

ме правления одного человека, — не больше чем иллюзия» (Игорь Винявский // Взгляд. 16.04.2010). Так в нить повествования о прошлом органично вплетается вывод о закономерности и безопасности сменяемости власти.

Часто имя Сталина употребляется вместе с именами Л. П. Берии и А. Я. Вышинского. Например, актуализируется хорошо известная прецедентная ситуация: «...где вчера товарища по партии Иосиф Виссарионович награждал публично, а завтра за ним приходили подчиненные Лаврентия Павловича...» (Взгляд. 29.05.2009); «Наследники Вышинского» (Взгляд. 27.04.2009). Имя последнего сопровождается исчерпывающей характеристикой: «Вышинский — человек в истории известный. Он один из главных организаторов и исполнителей сталинских репрессий, на его совести жизни десятков, если не сотен тысяч „врагов народа“, которым он требовал смертных приговоров или длительных сроков лишения свободы в ГУЛАГе. Но мало кто знает, что Андрей Януарьевич был умен, энциклопедически образован и к тому же являлся блестящим оратором, на чьи выступления в ООН специально приходили даже прожженные западные дипломаты».

Обретают новые контуры и другие обязательные атрибуты авторитарного режима. Все чаще вспоминается «железный занавес». Ср.: «„Железный занавес поднимать Астана, похоже, не собирается“, — так метафорично излагается позиция Казахстана по вопросу открытия границы с Кыргызстаном, озвученная спецпредставителем ОБСЕ по Кыргызстану Жанибеком Карибжановым» (Республика. 21.05.2010); «Казахстан опустил „железный занавес“». По оценке экспертов, за месяц экономической блокады Кыргызстан потерял около миллиарда долларов» (Республика. 21.05.2010).

Другие журналисты напоминают о культе личности: «То, что сегодня происходит в стране, это не культ личности, это культ обезличенности», — читаем мы в полемических заметках Сергея Дуванова, озаглавленных «Культ обезличенности» (Республика. 14.05.2010). И далее в этом же номере, в материале Евгении Плахиной об инициативе депутатов внести поправки в Конституцию, предусматривающие особые права «лидера нации»: «У казахов никогда не было культа личности. Казахи всегда говорили на „ты“ с ханами, и вот пришел такой период для казахского народа, так сказать, зараза, называемая „культ личности“» (Республика. 14.05.2010).

Еще один прецедентный символ — 37-й год. Ср.: «Опять тридцать семь?» — заголовок интервью с одним из руководителей партии «Алга!» Муратбеком Кетебаевым. На вопрос журналиста Мадины Алимхановой о настоящем и будущем Казахстана он отвечает: «Если проводить исторические параллели, то лучше с периодом до 1937 года. Я прочитал много литературы на тему сталинских репрессий. Тогда тоже началось все с борьбы между различными

кланами в политическом руководстве СССР. Одновременно вырабатывался механизм репрессий. Сначала органы НКВД и ОГПУ боролись с реальными врагами, потом начали делать „синтетические“ процессы, в которых настоящие оппоненты советской власти смешивались с политическими оппонентами Сталина и его окружения, а потом перешли к „зачистке“ просто политических оппонентов и конкурентов, но заодно выкосили сотни тысяч и миллионы простых граждан — чтобы все боялись. Так вот, сегодня в Казахстане запускается аналогичный механизм» (Взгляд. 13.03.2009). «Сегодня промолчим — завтра проснемся в 1937-м» (Взгляд. 03.11.2010), — такова позиция лидера РОО «Талмас» Айнур Курманова, давшего интервью журналисту газеты «Взгляд» Олесе Щелковой после выступления на слушаниях перед Комиссией по правам человека при Европарламенте в Брюсселе. Общественный деятель «уверен, что авторитарный режим в Казахстане поддерживается странами Запада». Тоталитарная тема развивается также при помощи метафор «лагерная пыль», «закручивание гаек», «зачистка».

Замыкающим звеном в этой цепочке стала «монументальная» тема, не изобилующая прецедентными именами, но очень популярная у журналистов: «Бронзовый Назарбаев! Увековечить Нурсултана Назарбаева в бронзе! С таким предложением выступил Союз градостроителей Казахстана. А маслихат Астаны поддержал и единогласно одобрил эту идею. Бронзового Назарбаева разместят у подножия столичного монумента „Қазақ елі“. Правда, там он появится не один, а на фоне народа. Такова задумка архитекторов» (Stan.KZ: информационный видео-портал. 04.05.2009).

3. Авторы публикаций, несмотря на всеобщее внимание, прикованное к событиям, произошедшим в Кыргызстане, крайне сдержанно (по сравнению с откликом на революции в Египте и Тунисе) реагируют на них. Между Кыргызстаном и Казахстаном не всегда усматривается явная аналогия. На страницах еженедельника «Взгляд» опубликованы материалы круглого стола на тему «Могут ли последние события в Кыргызстане повториться сегодня в нашей стране?»: «„Говорить о кыргызских уроках преждевременно, — считает аналитик фонда „Гражданское общество“ Виктор Ковтуновский. — Если сравнивать со школой, то урок не закончился, учителя пытаются усадить шалопаев за парты и понять, какой предмет они хотят преподавать. И чем это закончится, никому не известно“» (Взгляд. 16.04.2010).

Стержневым элементом публикации является метафора «кыргызские события — урок» (для многих стран СНГ): «„Пример соседей хорош тем, что многими кыргызскими политиками сейчас декларируется идея парламентской республики“, — отмечает Айнур Курманов. Пожалуй, это один из главных уроков, который

извлекло для себя кыргызское общество и который хорошо бы усвоить нашему».

Публицист Сергей Дуванов для себя отметил «пять уроков кыргызской революции» (Взгляд. 16.04.2010): «Во-первых, то, что произошло, закономерность. В 2005 году это была хорошая школа демократии. Они оказались способными учениками и научились главному — менять свою власть. Второй урок — слабость оппозиции. Демократическая составляющая в этот раз была низкой, и это в сравнении с теми же Украиной и Грузией приводит к анархическим последствиям. В-третьих, власть, построенная на кумовстве, коррупции, родственных связях, не пользуется поддержкой. Вы посмотрите, кто ее поддержал. Те, кого поставили, стояли живым щитом, пока не поняли, что надо убегать. Четвертый урок — механизм ненасильственного сопротивления работает. Люди выходят без оружия. То, что потом у них в руках автоматы, не их вина, а вина власти, которая по ним стрелять начинает. И последнее — революции не планируются. Планировалось проведение курултая на местах, а власти арестовали лидеров оппозиции. Арест спровоцировал людей на протест».

Показательны также публикации, в которых прецедентные имена употребляются в парольной функции: «Для кыргызов Гитлер и Бакиев теперь синонимы» (Взгляд. 18.06.2010); «Магриб своими руками. Из опыта Кыргызстана, а также арабского Магриба следует, что безработные молодого возраста, а также недавние переселенцы в города из сельской местности — это одни из самых мобильных, протестных и активных групп среди движущих сил „цветных революций“» (Республика. 18.02. 2011).

4. Авторы публикаций «отдают дань» сравнению казахстанского пути развития и печальному итогу развития государств Ближнего Востока. Ср.: «Аналогичную параллель — между Тунисом и Казахстаном — проводит информационно-аналитический центр по изучению постсоветского пространства при МГУ им. Ломоносова. Автор, правда, оговаривается: едва ли можно найти актуальный повод для сравнения обеих стран: „Власть и в России, и в Казахстане должна выйти за пределы прежней повестки дня, прочувствовать новые угрозы, обезопасить себя от повторения киргизского и тунисского опыта в более широком, методологическом контексте“».

Иная точка зрения представлена президентом фонда «Гражданская активность» Муратбеком Кетебаевым в докладе о политической и экономической ситуации в Казахстане на конференции в Брюсселе. Текст выступления опубликован в газете «Республика». Статья называется «Тунис и Египет не за горами и в Казахстане». Автор задается вопросом: «Есть ли связь между тем, что происходит в Казахстане, и событиями в арабском мире, в таких странах, как Египет, Тунис, Йемен, Иордания?

Я считаю, что такая связь есть. Русская поговорка гласит: „Где тонко, там и рвется“. (Республика. 11.02.2011).

В материале Маргариты Лихановой о флешмобе активистов уральского филиала партии «Алга» приводятся надписи на плакатах участников акции: «Я держу в руках шокирующий рост цен, как билет в Египет!», «У нас один враг — это рост цен и тарифов, которые ведут в Тунис!» (Республика. 04.03.2011). Основная цель мероприятия — привлечь внимание общественности к необоснованному росту цен и выделению неоправданно большого объема бюджетных средств на саммит ОБСЕ и Азиаду. Мы наблюдаем уверенное использование ПФ, поясняющие комментарии отсутствуют.

Показателен и следующий заголовок беседы редакции газеты с советником президента, которому задавался вопрос о предстоящих президентских выборах: «Не видать вам в Казахстане ни Туниса, ни Египта, заявил донельзя раздраженный советник Ертысбаев» (Республика. 18.02.2011).

Новый стимул получают театральная и педагогическая метафоры: «В Казахстане начинается „избирательная кампания“ в преддверии досрочных президентских выборов в начале апреля. За последние два месяца казахстанское руководство порадовало публику нестандартными поворотами политического сюжета. С конца декабря до середины февраля сценарий обозримого будущего менялся несколько раз». «Просто некий режиссер или помощники режиссера, формирующие нынешний внутриполитический процесс, закручивают такую интригу, по сравнению с которой нынешняя война элитных кланов — это пионерская „зарница“». «Поэтому, восторгаясь сингапурским старцем, придется *учить* опыт Хосни Мубарака и Муамара Каддафи. Учить заранее, пока еще не поздно» (материалы информационно-аналитического центра по изучению постсоветского пространства при МГУ им. М. Ломоносова). В последнем тексте имеется в виду Ли Куан Ю — основатель города-государства Сингапур, ушедший с поста премьер-министра более 20 лет назад после передачи власти заранее подготовленному преемнику и с сохранением широких надзорных функций.

Еще одна отличительная черта газетных материалов последнего времени — частое использование имени Л. И. Брежнева: «Тунис — зеркало степной демократии и синдром „Леонида Ильича“», — так называются политические новости информационного агентства REGNUM. Читаем: «Напрашивается аналогия с Леонидом Ильичом Брежневым, которого Политбюро никак не хотело отпускать на пенсию», — речь идет об упоминавшемся выше политическом долгожительстве находящихся у власти персон. Та же мысль высказывается Андреем Грозным, руководителем отдела Средней Азии Института стран СНГ, на новостных страницах

портала km.ru.: «Скажу больше: любые — будь то провластные, антивластные или независимые — эксперты все чаще сравнивают ситуацию в Казахстане с застойными временами правления „любимого Леонида Ильича“».

В высшей степени иронична редакторская колонка Игоря Винявского, главного редактора газеты «Взгляд», отозвавшегося на веяния времени заметкой «Наш „дарагой“ политик „мировой“!». С самого начала обыгрывается известный прецедентный текст: «Слыхали, во Владивостоке землетрясение было? Так то в Москве пиджак Брежнева с орденами со стула упал. Так шутили 30 лет назад. Кстати, слышали, на этой неделе землетрясение в Капшагае было?..» Затем автор касается этических вопросов, связанных с количеством наград Л. И. Брежнева, последними годами существования генсека в созданном ему окружении параллельном мире и уходом из жизни в возрасте 75 лет — после 21 года управления страной. Затем читатель переносится в настоящее время: «По количеству наград Нурсултан Абишевич, конечно, уступает легендарному генсеку. Но ради справедливости можно отметить, что наш глава государства обскакал Леонида Ильича в эпистолярном жанре. Количеству трудов Нурсултана Назарбаева может позавидовать даже Лев Толстой. Да что там Толстой! Его уже и в живых-то нет. Тут и Дарье Донцовой впору локти кусать! Каким-то особым путем Нурсултан Абишевич идет за Леонидом Ильичом. Впрочем, все равно неизбежно придет к тому же финалу. Кстати, не его ли пиджак упал на днях со стула, когда в Капшагае тряхануло?» (Взгляд. 23.04. 2010).

В ходе анализа мы пришли к выводу, что в качестве определяющих прецедентных имен последнего времени в казахстанской прессе используются имена *Тунис* и *Египет*. Это обусловлено нестабильностью политических процессов в государствах Ближнего Востока, а также некоторыми общими чертами в развитии политических систем Казахстана и упомянутых государств, способствующими развитию прецедентности.

Итак, при анализе изменений в рассмотренном корпусе прецедентных имен можно выделить четыре периода. Для первого из них характерно позитивно окрашенное сравнение деятельности президента с деятельностью всемирно известных политиков. В это время востребованными становятся имена Махатмы Ганди, Мустафы Кемала Ататюрка, Джорджа Вашингтона, Теодора Рузвельта и Маргарет Тэтчер. Но в этот же период журналисты начинают проводить аналогии с государствами, имевшими в своей истории политических долгожителей, например Мао Цзэ Дуна и Дэн Сяопина. Позднее авторы все чаще фиксируют отдельные стороны казахстанской действительности, наводящие на мысль о сходстве с известными авторитарными политическими режимами и сопровождающими их последствия-

ми. Показательно, что создатели текстов сдержанно (по сравнению с откликом на революции в Египте и Тунисе) реагируют на события, произошедшие в Кыргызстане. Прогнозов развития «казахстанской политической модели», приводящих к революции, нет. В большей степени, чем ПИ, журналистами используется педагогическая метафора. В последнее время все чаще встречаются сравнения казахстанского пути развития с печальными итогами властвования несменяемых президентов государств Ближнего Востока. Актуализируется также имя Л. И. Брежнева, символизирующего времена застоя.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик В. И. Концепт как индикатор эпохи («очковтирательство») // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 9—13.

Нахимова Е. А. Прецедентное имя *Буратино* в современных СМИ // Известия Урал. гос. ун-та. 2007. № 52. С. 105—112.

Нахимова Е. А. Прецедентные онимы-неологизмы: *Куцевская* и *Цапки* // Политическая лингвистика. 2011. № 1. С. 162—166.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33—41.

Статью рекомендует к публикации канд. филол. наук, доц. Е. А. Нахимова